

Адвокатские и прокурорские будни

Труд адвоката сложен и разносторонен. Его работа заметно отличается от деятельности большинства специалистов других юридических профессий, хотя она также протекает в области общественных отношений и тесно связана с деятельностью следователя, судьи, прокурора и т. д. Каждое новое дело для адвоката является уникальным, так как связано с судьбой конкретного человека. Адвокатская практика не терпит шаблонов, но при всем разнообразии решаемых задач она должна протекать в рамках правового регулирования. Крайне напряженный и эмоциональный труд адвокатов обуславливает и повышенные требования к ним со стороны государства, рядовых граждан. Профессия адвоката считается престижной, но мало кто (кроме юристов с многолетним стажем) имеет четкое представление о всей сложности адвокатской деятельности, которая требует высокой ответственности, порядочности, терпения, трудолюбия, высоких знаний, постоянного самоусовершенствования. В современном судопроизводстве поиск истины — процесс творческий, которому должны сопутствовать внимание, сострадание к человеку. Для юриста, как и для врача, актуален принцип «Не навреди».

Работать в адвокатуру я пришел более 40 лет тому назад, после того как уволился из органов прокуратуры. Адвокатскую деятельность я стал совмещать с работой в Северо-Западном политехническом институте. Именно в те годы там учился наш бывший губернатор Владимир Анатольевич Яковлев, который довольно успешно сдавал мне экзамены. Он запомнился мне как трудолюбивый, настойчивый и смысленный молодой человек.

Дела в адвокатуре у меня шли очень успешно, потому что в доказательственном обосновании обвинений по уголовным делам мне разбираться было несложно. Там, где расследования проводились слабо, я в суде добивался оправдательных приговоров или максимально низких сроков наказания по сравнению с тем, что требовала прокуратура. Мне ничего не стоило положить на обе лопатки участников уголовного процесса, выбить почву из-под обвинения.

Информация о результатах успешно проведенных уголовных дел быстро распространялась по городу, и, естественно, у меня росла клиентура.

Когда после чтения лекций студентам я приезжал на Московский проспект в юридическую консультацию, там меня ожидала уже целая толпа. Хотя, что греха таить, другие адвокаты, которые сидели без дел, пытались переманивать моих клиентов даже ценой нарушения адвокатской этики и элементарной человеческой порядочности. Но все эти фокусы не приводили ни к чему конкретному, так как я виртуозно выигрывал одно уголовное дело за другим, и это продолжалось многие годы.

Конечно, далеко не всех подзащитных удавалось оправдать. Но оправдательных приговоров было много!

Помню, как в первый же год работы все адвокаты в юридической консультации отказались взять защиту по делу об убийстве, совершенном охранником, забившим свою жену ногами (находясь в состоянии алкогольного опьянения, он фактически затоптал свою жену). Платить за защиту было некому, а взрослые дети требовали расстрела отца. В конце рабочего дня мои коллеги ушли и попросили заведующего, чтобы он поручил это дело мне, так как у меня были самые высокие в городе заработки среди юристов. Я не привык пасовать перед трудностями. К тому же хотелось утереть нос завистникам-адвокатам. Я взялся вести это уголовное дело. Неправильно некоторые полагают, что адвокат защищает преступников. Никто не защищает и не оправдывает лиц, совершивших преступления. Просто выясняются обстоятельства, мотивы совершенного преступления, оцениваются собранные доказательства обвинения и их обоснованность, и тогда определяется позиция защиты, поведение подзащитного и версии в обоснование причин совершенного преступления. Нередко бывает, что представители следствия подавляют обвиняемого надуманными доказательствами, запугиванием, а порой и избиением в следственных изоляторах.

Итак, вернемся к делу об убийстве. Я, как и было положено, выступал в городском суде без оплаты, ни на что не претендуя. Приговор был — расстрелять. Я понимал, что мой подзащитный заслуживает расстрела, но настаивал, что квалификация содеянного не подлежит расстрелу, так как совершенного *убийства* не было. Я считал, что жертве были причинены тяжкие телесные повреждения, повлекшие за собой смерть. Свои доводы я изложил в кассационной жалобе, адресованной в Верховный суд России. Так получилось, что на моем выступлении в Верховном суде присутствовал один из известнейших в стране адвокатов, заведующий юридической консультацией №15, которая расположена у Пяти углов на Загородном проспекте, в доме №22, Владимир Иванович Веденский. Таких гениальных юристов не только в Ленинграде, но и в Советском Союзе невозможно было найти.

Верховный суд по моей кассационной жалобе изменил квалификацию преступления и заменил расстрел 15 годами лишения свободы. Владимир Иванович Веденский пригласил меня перейти на работу к нему, что я и сделал, оставив завистников с носом.

Я не могу описать словами выражение лиц адвокатов, когда вечером во время моего дежурства в конторе на Московском проспекте пришел пожилой человек, брат убийцы, и за перекалфикацию содеянного и изменение наказания передал мне в качестве вознаграждения значительную сумму денег. Ни в каком театре таких гримас и переживаний не увидишь! Я еще раз убедился, что, когда речь заходит о деньгах, люди теряют человеческий облик.

Ввиду того, что деньги мне передавали в знак благодарности за успешно проведенные уголовные дела, я старался получать их в открытую. Я открытый и щедрый человек. Даже получая свою зарплату, я до сир пор люблю наблюдать, как у завистливых, подлых людей перекашиваются физиономии, в особенности когда они считают чужие деньги.

Но меня совершенно не интересовало, ни общественное мнение, ни рожденные окружающими сплетни и слухи.

Я вспоминаю, как в те годы посещал в больнице известного ленинградского поэта Михаила Дудина. Невозможно было не полюбить этого человека! Узнав о моих завистниках и их похождениях, Дудин вдруг предложил записать мне свои мысли:

*Хоть лай ему вослед,
А хоть не лай,
Идет вперед Бабанцев
Николай!
Не зря он столько
Книг перекопал —
И вот профессор он
И генерал!
Ну что ж, Бабанцев
Коля,
Будь здоров!
Будь генералом ты
Среди профессоров.
Будь генералом!
Ура, пусть это будет
Лишь началом!
Я надеюсь, что в баню с
веником
скоро буду ходить с
Академиком!*

Когда я предложил выпить коньяка за стихи, которые действительно отражают мое отношение к слухам, Михаил Дудин ответил, что любит водку, пояснив: «Рожденного г...ком не исправишь коньяком».

И это правильно! Я также считаю, что рожденный г...ком так и умрет г...ком. По моему мнению, жадный умирает не от болезней, а в первую очередь от жадности и зависти.

Итак, адвокатская деятельность приносила радость и счастье, когда я сидел на свое рабочее место в зале заседаний. Да и сейчас, попадая на судебный процесс, я чувствую себя как рыба в воде. И меня ничего не беспокоит, даже своего возраста не ощущаю!

Добиваясь успеха в большинстве уголовных дел, я считал, что одновременно помогаю следователям работать над доказательствами, способствую повышению качества их работы, хотя при этом и не чувствовал с их стороны благодарности, а скорее наоборот, присутствовала выраженная озлобленность. Меня эта реакция не волновала: я полагал, что рожденный ползать летать не может и даже не должен пытаться взлетать. Касаясь уголовных дел, по которым были вынесены оправдательные приговоры, приведу несколько примеров, так как всех их не перечислить, для этого потребуется издание целого многотомного собрания сочинений.

В 1993 года ко мне обратилась аспирантка Института советской торговли Татьяна Понуровская с просьбой о защите ее родного брата. Инженер Понуровский с пятью коллегами по работе был осужден на 8 лет лишения свободы за нарушение техники безопасности в украинском городке Полесье. Учитывая, что осужденные отбывали наказание около двух лет, адвокаты, работавшие в консультации № 15 на Московском проспекте, отказались ехать в Киев для защиты осужденных. Я согласился на ведение дела в порядке надзора и поехал в Полесье, а затем в лагерь к заключенному Понуровскому для выяснения обстоятельств дела.

Оказалось, что действительно на заводе металлоконструкций было допущено много нарушений техники безопасности. В 1991 году в результате очередного нарушения, при проведении монтажных работ погиб механик завода, Герой Социалистического труда Георгий Иванович Глух. Он упал с крыши второго этажа и разбился насмерть.

Глух Г.И. в тот период был депутатом Верховного Совета Украинской ССР, и громкое ЧП привлекло внимание высших инстанций, которые требовали привлечение виновных к уголовной ответственности.

Все шесть человек, имеющие отношение к вопросам техники безопасности, были приговорены к максимальным срокам наказания. Суд не принял во внимание, что обвиняемые имели исключительно положительные характеристики и активно участвовали в модернизации производства. Их изобретения часто были экспонатами выставок в США и Мексике.

Почти полтора года мне пришлось потратить для выяснения деталей несчастного случая. Несколько раз летал в Киев, ездил в Полесье и в лагерь к

заключенным. Попасть на прием к Генеральному прокурору Украины не было возможности, т.к. приемов граждан у него не было. Удалось с ним встретиться только на футбольном матче Киевского «Динамо». В правительственную ложу меня пропустили по удостоверению Заслуженного тренера Советского Союза.

Во время беседы с Василием Михайловичем я изложил обстоятельства дела и причины несчастного случая. Они были таковы: Глух Г.И. с крыши криком остановил случайно проходящего мимо солдата и попросил нажать кнопку подъемника ковша. Солдат, не поняв просьбы, нажал другую кнопку. Ковш, вместо подъема вверх, стал двигаться по горизонтали и сбил Григория Ивановича с крыши. В данном происшествии, погибший не учел, что звание Героя Советского Союза не является гарантом личной безопасности при грубейших нарушениях норм строительства.

Генеральный прокурор после беседы попросил меня занести материалы дела в прокуратуру его помощнику и добавил, что если мои доводы подтвердятся, то он подготовит и вынесет протест в Верховный суд Украинской ССР.

Через месяц ко мне в квартиру приехала радостная Татьяна Понуровская с братом и благодарностями от пяти бывших заключенных.

В 1995 году я защищал врача Ленинградской транспортной больницы Юрия Кирилловича Антонова. Защищать попросил мой хороший знакомый Анатолий Кириллович Антонов, который является родным братом Юрия. В свое время Анатолий провел успешную операцию моему близкому другу ректору СЗПИ Шамраю Борису Викторовичу и я не мог отказать его просьбе. Я включился в работу не сразу после его задержания, а уже в процессе деятельности другого адвоката, который очень устраивал прокурора Ленинградского транспортного управления.

Ю. К. Антонову следователи внушили, что за чистосердечное признание и раскаяние суд определит не более 3 лет, а при отказе — все 10 лет лишения свободы. При этом адвокат предлагал Антонову занять денег, продать дачу во Всеволожке для расчетов с ним.

В связи с предъявленным обвинением Ю. К. Антонову предлагали перенести ответственность за получение взятки на заведующего отделением, дагестанца по национальности, который находился в те дни в Греции на симпозиуме. Антонов так и поступил. Он полностью признал собственную вину, а также показал, что делил денежные суммы пополам с Мустафой.

По прибытии на Родину Мустафа сразу же попал в следственный изолятор. Его брат бродил около изолятора, где сидел Юрий Антонов, и искал возможности его убить.

Я вступил в дело на следующий день.

Придя к транспортному прокурору и предъявив ордер на защиту, я получил жесткий отказ в свидании с подзащитным Антоновым. Глядя в глаза прокурору, я сообщил ему, что через самое высокое начальство заставлю его (прокурора)

вспомнить Советскую Конституцию. Мой собеседник заметил, что очень хорошо осведомлен о моих связях в Генеральной прокуратуре. Я развернулся и вышел из кабинета. Уже на лестнице мне вослед донеслись слова: «Николай Федорович! Я передумал, берите разрешение!» Далее палки в колеса стал вставлять сам следователь: «С Вами, Бабанцев, я не желаю находиться в одном кабинете!» Меня это особенно устраивало, так как было необходимо поговорить с Антоновым наедине.

Приехав в изолятор, я заявил Антонову, что вдвоем с его адвокатом вести дело не буду, то есть он должен отказаться от одного из нас. Антонов, конечно же, решил вверить свою судьбу в мои руки. Начали работать. Я предложил подзащитному не играть в игры со следствием, а выложить все начистоту.

Антонов все понял, потому что желал быстрее оказаться на свободе, и, когда пришел следователь, стал отказываться от своих показаний. Следователь был бездарный и глупый, но с большим самомнением. Он подробно записывал все показания Антонова, а также мои подсказки. Линия защиты претерпела кардинальные изменения и была выстроена гениально.

Многочасовой допрос закончился... Следователь утратил интерес к Антонову и стал мне задавать вопросы о моей форме, о моем месте работы. Я подробно рассказал и пригласил его работать у нас на юридическом факультете, по совместительству.

Утром тот же следователь позвонил мне и попросил взять его на преподавательскую работу. Оказывается, ему предложили уволиться после того, как прокурор прочитал новые признательные показания Антонова, а дурак-следователь сообщил, что на все вопросы к обвиняемому отвечал адвокат Бабанцев. В общем, уволили его правильно: дураков переучивать трудно, бесполезное это занятие.

Антонов был освобожден из-под стражи, и мерой пресечения ему была выбрана подписка о невыезде. Уголовное дело к своему производству забрала Главная транспортная прокуратура. Действия Антонова были переквалифицированы по статье 290 с первой части на вторую, по которой наказание предусматривалось до 7 лет, а не от 3 до 5 лет. Также Антонов был лишен права заниматься медицинской деятельностью сроком до 3 лет.

Брат Мустафы продолжал преследовать Антонова по всему городу, угрожая расстрелять то из автомата, то из пистолета. Но на все просьбы Антонова о защите прокуратура отвечала: «Когда убьет, тогда и задержим».

Расследование, многочисленные судебные заседания продолжались с 1995 по 1998 год. Дело было чрезвычайно сложным, потому что в железнодорожной больнице действительно брали огромные взятки, и от жадности врачи с медсестрами не делились. Когда в очередной раз женщина принесла 500 долларов за больного мужа для передачи Ю. К. Антонову, то ей добрые люди порекомендовали подать заявление в милицию, чтобы проучить вымогателей. Таким образом, и закрутилось обвинение.

В народном суде Калининского района города, где происходило мое сражение, если можно так выразиться, с транспортным прокурором, мне удалось

вызвать многочисленных свидетелей, которые могли положительно повлиять на исход дела. Избегал явки в суд только главный врач. Ко мне даже обратился тогдашний министр путей сообщения с просьбой не беспокоить хозяина больницы, но меня уже остановить было невозможно.

В суде, как говорится, я всех раскатал, особенно досталось прокурору. Обвинение было доказательно опровергнуто, а суд вынес оправдательный приговор как Ю. К. Антонову, так и злополучному Мустафе.

Главный транспортный прокурор того времени опротестовал решение суда в Городском суде. Еще около года дело слушалось в Городском суде, затем вновь в районном. Наконец была поставлена жирная точка и подтвержден оправдательный приговор.

Вот так у Ю. К. Антонова осталась дача во Всеволожске. И главное — свобода.

Помню, как во время дождя Мустафа стоял передо мной на коленях в грязной луже на тротуаре и клялся в своей благодарности, в своей беззаветной любви ко мне. Он заверял, что фрукты из Дербента для меня будет привозить всю оставшуюся жизнь. Однако память горца оказалась короткой.

Я всегда поражался безграничности человеческой подлости и злопамятности. В предыдущей главе в связи с делом Родионова упоминался второй секретарь Ленинградского обкома КПСС П. П. Можаяев.

В начале 1970-х годов власть партийных бонз была безграничной. Я знал о том, что Можаяев затаил на меня злобу, но не думал, что он постарается осуществить свои замыслы. В этот период времени в адвокатуре сложилась сложная обстановка: органы арестовали адвокатов Котельникова и Полушкина, в бегах находился адвокат Дорошкевич. В довершение ко всему за несколько минут до ареста повесился председатель Московского районного суда.

Через пару месяцев я узнал, что против меня тоже возбуждено уголовное дело: якобы от клиентки я получил три тысячи рублей для передачи прокурору.

Для меня это грозило большими неприятностями и возможным арестом.

При нашей встрече с клиенткой, я спросил ее, что может ли она подтвердить свои показания в суде перед Иконой. Она ответила, что не сможет и призналась, что оболгала меня, так как ей угрожали и подстрекали к ложному доносу официальные лица, хорошо мне известные.

Далее события развивались следующим образом. Для решения неотложных вопросов я отправился в Москву. Еще не тронулась «Красная стрела», как ко мне подбежал один подзащитный и предупредил, что его в связи с возбуждением уголовного дела в отношении меня допрашивал некто Николай Павлович, майор ОБХСС, который едет в 11-м вагоне этого же поезда. Так получилось, что я ехал один в купе СВ, а мой попутчик, адвокат Скрыбин, не догнал уходящего поезда.

Через час после отправления поезда я пошел в 11-й вагон и предложил майору ОБХСС прийти ко мне в купе, где достаточно выпивки и закуски. Был получен отказ, но спустя час, видимо, организм майора потребовал халявной выпивки. Николай Павлович вошел в мое купе и стал глотать водку, закусывая икрой, осетриной и другими деликатесами. Он рассказал, что пробудет несколько дней в МВД и что прямо сейчас едет на прием к министру.

Я предложил посетить Сандуновскую баню, чтобы не ехать в таком мятом виде в министерство, на что он охотно согласился...

После парилки, придя в раздевалку Николай Павлович не нашел своего милицейского удостоверения и при этом, будучи под большими градусами обрушился на меня, подозревая в краже документа. Николай Павлович в порыве ярости высказал, что "Правильно его предупреждали коллеги, чтобы я с Вами был осторожен. При этой истерии я понял, что в Метрополе на меня нападали его сотрудники. Через несколько минут майор обнаружил свое удостоверение на полу между креслами и стал извиняться за свой припадок. Мне этот эпизод послужил оценкой, что хотя, указанные сотрудники и работают в следственных органах, на деле это скрытые бандиты.

Потом мы разъехались: я в Верховный суд, а майор в министерство.

Через два часа, выходя из Верховного суда России, я увидел на противоположной стороне улицы гуляющего майора. Он явно осуществлял наружное наблюдение. Я отправился в прокуратуру России и пробыл там до вечера. Около 22 часов вышел из здания и стал ловить такси на Кузнецком мосту. Вдруг смотрю — на противоположной стороне опять прохаживается Николай Павлович. Чего ж играть в кошки-мышки? Позвал его к себе, предложил: «Кончай следить, если у тебя есть деньги, поехали в ресторан».

Николай Павлович показал 70 рублей, по тому времени это была хорошая сумма. У меня карманы были набиты деньгами клиентов, но я сказал, что у меня тоже 70 рублей. Приехали в гостиницу «Москва» в депутатский зал, куда я всегда приходил во время командировок.

Подозвав официанта, мы вручили ему 140 рублей и сказали: «Гуляем на все». Конечно же, как спортсмен я мог выпить сколько угодно и от выпивки только трезвел (так как помнил об угрозе Можая), а майор уже после первых бокалов упал со стула.

Николай Павлович меня похвалил, что я мужик стойкий. Я же похвастался, что не зря выигрывал многочисленные велогонки на 200 километров. Наконец, майор сообщил, что если я ему помогу в раскрытии высокопоставленных взяточников города Ленинграда, то он мне гарантирует срок 4 года и не более. Примитивная душонка сотрудника отдела по борьбе с расхищением социалистической собственности была у меня как на ладони. Я решил подыграть этому Пинкертону (а он, дурачок, искренне думал, что склонил меня к сотрудничеству). «Ну, — говорю, — записывай, кто сколько берет». Николай вытащил блокнот и стал подробно конспектировать мои сочинения. Я был в ударе и поэтому просто издевался над пьяным сотрудником. Николай заполнил весь блокнот, но главное, я ему заявил, что

завтра в 17 часов буду отдавать 5 тысяч рублей председателю Ленгорсуда Николаю Ивановичу Ермакову, и он сможет взять его «тепленьким», надев наручники.

Николай не скрывал, что от подобной операции он жаждет сразу получить звание полковника, «перепрыгнув» через подполковника.

Майор как будто даже протрезвел от подобных перспектив, но ответил, что опасается вовремя не попасть в Ленинград.

Мы расстались «друзьями», причем каждый думал, что он ловко обвел вокруг пальцев своего собеседника. Вскоре ночной поезд увез меня домой. Утром, желая наказать алчного карьериста-майора, я сообщил в КГБ, что мне подставили лжедоносчицу, провоцируют, угрожают, что прокурор города хочет реализовать угрозы Можаяева (всех моих подзащитных из разных лагерей и тюрем перевели в Металлострой и изоляторы города, чтобы облегчить проведение со мною очных ставок и других следственных действий). Я никогда не был трусливым человеком, но, когда вспомнил о своем посещении П. П. Можаяева в Смольном, покрылся испариной: партийный руководитель обещал мне рано или поздно впать срок до 15 лет.

В стране царил произвол. Чтобы оболгать и завалить честного адвоката, особого ума не требовалось. Тем более что прокурор города С. Е. Соловьев охотно выполнял команду «фас» и жил с одним кошельком с продажным адвокатом Аркадием Косовым.

Кроме того, мне было известно, что находившимся в изоляции и отбывающим наказание бывшим клиентам Н. Ф. Бабанцева внушали, что сроки им даны завышенные и что, разоблачив меня, их освободят. Продажные следователи внушали, что хотя я и адвокат, но являюсь сотрудником КГБ и мое место в тюрьме.

Следует отметить, что я получил блестящее юридическое образование, прошел суровую практику в органах прокуратуры Сибири и Казахстана, поэтому уголовные дела выигрывал, а мои подзащитные получали сроки значительно ниже требуемых прокурорами. Ни о каких взятках и речи быть не могло. Завистники не могли поверить, что в основе успешной карьеры лежит высочайший профессионализм ученого и практика.

Был даже случай, когда прокуратура Ленинградской области освободила из-под стражи осужденного к 7 годам лишения свободы преступника Дмитриева, которому было дано задание меня шантажировать и угрожать ночными звонками.

Итак, в 17 часов я прибыл к памятнику Ленину, что у Финляндского вокзала, где якобы ожидал Н. И. Ермакова. Приехал и майор ОБХСС Николай Павлович, который тут же спросил: «Где Ермаков?» Я спокойно ответил, что, наверное, задерживается. В это время подъехали три черные «Волги». Николай Павлович вздрогнул: «Что это такое?». Я, глядя ему в глаза, сказал: «Думаю, что бандиты. Давай бежать в разные стороны, побегут за мною — я буду бить, а ты действуй, как знаешь, но лучше беги».

Закончилось все просто. Николай Павлович побежал, пытаясь скрыться от неизвестных мужчин, окруживших памятник Ленину. Пьяницу-майора задержали. Он вступил с сотрудниками КГБ в драку, пытался стрелять, но был обезоружен и жестоко избит. Через месяц я ему позвонил на службу, чтобы узнать о состоянии дел. Но Николая Павловича уже из органов уволили за излишнее рвение к службе и неправомерное применение оружия.

На судебном заседании, где рассматривался донос в мой адрес, прокурор настаивал, чтобы клиентка изменила свои показания. При этом добавил, что если она сделала это под давлением адвоката Бабанцева, он тут же будет арестован, а она освобождена от наказания.

Подсудимая заявила, что Господь Бог ей не простит ложного доноса, а в тюремное заключение воспринимает как Божье наказание за совершенный грех.

Куйбышевский районный суд приговорил ее к 2 годам лишения свободы и она была взята под стражу в зале суда. Я понимал, что реальную меру наказания применили, чтобы ее запугать и склонить к обвинению меня, так как этого добивался прокурор города Соловьев, исполняя приказ Можаяева.

Так случилось, что спустя много лет я встретил Павла Петровича уже в перестроечное время. Он имел свой бизнес, и, как всякий прохвост, хорошо устроился в горбачевском омуте. Можаяев нашел в себе мужество подойти ко мне и в присутствии своей личной охраны попросить прощения за свою травлю. «Николай Федорович! Я очень виноват перед тобой. Мне лишь недавно стало известно о твоих талантах и научных достижениях. Если можешь — прости». При этом стал обниматься и целоваться. Я же скромно ответил: «Бог Вам судья, Павел Петрович!»

В свое время Можаяев заставил меня крепко поволноваться, а его подручные Соловьев и Павлов творили темные дела с адвокатами-преступниками Дорошевичем, Дмитриевым, Койсманом.

Ефиму Койсману подлости было не занимать. Он совершал зарубежные поездки по заданию КГБ с целью шантажа или рэкета бывших граждан СССР, евреев по национальности. Вскоре Фима активно подключился к решению вопроса о моем аресте. Я заподозрил что-то неладное, когда Койсман назначил мне встречу у Пушкинского театра и предложил 25 тысяч рублей в долг, чтобы я рассчитался с прокурором города Соловьевым, то есть дал взятку за прекращение уголовного дела, возбужденного в отношении меня (о чем я уже писал выше). Я, естественно, отказался, так как взяточником никогда не был. А через несколько часов я уже беседовал со следователем Динкиной, которая, лукаво улыбаясь, сказала: «Вот Вы строите из себя принципиального, честного работника, а сегодня взяли у Ефима Койсмана 25 тысяч рублей, купюрами по 25 рублей, номера купюр нам известны. Так что давайте лучше признаваться, а не закираться. Иначе Вам же хуже будет». Я же прояснил ситуацию, объяснив, что провокация Койсмана не удалась, а каяться мне перед следователем не в чем.

Мурманское уголовное дело было связано с жестоким убийством. Двое молодых людей уже сидели в тюрьме, а само дело находилось в производстве следователей Невского района города.

Поясню суть дела. В Ленинград приехал молодой человек по имени Владимир, чтобы забрать документы из Мореходного училища, которое расположено на Васильевском острове города, откуда его со 2-го курса отчислили за неуспеваемость. Желая остановиться на несколько дней в городе, он выбрал гостиницу на Охте. Придя в день приезда в ресторан гостиницы с приятелем, они познакомились со случайным посетителем, который порекомендовал остановиться у его брата. Мужчина сказал: «Здесь же рядом. В двухкомнатной квартире будет значительно дешевле и уютнее, чем в гостинице, а деньги мы пропьем в ресторане и познакомимся с девочками». Сказано — сделано. Володя и его приятель расположились на проживание в квартире у брата случайного знакомого.

В общем, три человека проживали в двухкомнатной квартире. А предложивший Володе проживание брат хозяина спал в подвале этого же дома, так как с братом у них отношения были хорошие только во время пьянок.

Двое суток прошли в беспробудном пьянстве. Утром на третий день sobутыльники обнаружили труп хозяина квартиры (человека кто-то связал и задушил).

Володя с Павлом перепугались, покинули квартиру покойника и переселились в другой район города, а там под надзором милиции находился их знакомый, совсем недавно освобожденный из тюрьмы парень по имени Александр.

Квартиру Александра посетила милиция в порядке осуществления надзора, ведь после 23 часов освобожденный обязан был быть у себя в квартире.

Милиция стала выяснять, кто убил человека, не говоря, где и когда. (Как выяснилось впоследствии, в квартире на 5-м этаже был убит мужчина.) Володя, испугавшись, ответил, что они с приятелем ничего об убийстве на Охте не знают. Тогда милиционеры для выяснения всех обстоятельств дела поехали с молодыми людьми на Охту, в квартиру, которую они снимали накануне. Там находился Сергей, брат убитого, который сразу же показал: «Вот они, душегубы, убийцы моего брата».

Конечно же, Володю и Павла сразу задержали по обвинению в убийстве. Следователям было важно как можно быстрее раскрыть преступление. Как оказалось, Сергей являлся осведомителем, и поэтому ему сразу поверили. В общем, сотрудничая с органами, Сергей «упаковал» и Володю, и Павла обстоятельно, в результате чего их поместили в тюрьму.

Ко мне это дело попало не сразу. По делу уже 6 месяцев работал адвокат (получилось так, что работавший в Академии профессор Валерий Васильевич Сахацкий, узнав, что я адвокат, попросил меня познакомиться с родителями

Володи из Мурманска и посоветовать, что им лучше делать в связи с арестом сына).

Узнав о постигшем их несчастье, родители уговорили меня взять на себя защиту Володи. Они не доверяли адвокатам и заявили мне, что адвокат лишь вымогает деньги, в тюрьму редко ходит и поддерживает мнение следователей, что сын убийца.

Конечно, я вступил в это нелегкое уголовное дело, понимая, что многие в Академии, кто не знал, что я еще и адвокат, интересовались моими знаниями, ходом процесса. Все это также обязывало меня чаще посещать ребят в тюрьме, тем более что у Павла родителей не было и он в прошлом имел судимость. Когда я ознакомился с обвинением, у меня возникли вопросы. Так, мне было не совсем понятно, почему ребята признавали свое участие в убийстве, подтверждая показания Сергея, брата покойного, который якобы видел, как Володя и Павел связывали ноги брату и душили его, будучи очень пьяными.

Мне удалось узнать, что Сергей, в прошлом неоднократно судимый, имел с покойным взаимоотношения неприязненные, поэтому и проживал в подвале.

Но самое главное, я выяснил одно обстоятельство. Из показаний следовало, что в день убийства посетители квартиры не только пьянствовали, но и смотрели телевизор. Когда я побывал у Сергея, телевизора там не оказалось. Я заставил следователей произвести обыск в подвале, где проживал Сергей, которому за его усердие в разоблачении «убийцы» покровительствовал заместитель прокурора Невского района. Телевизор был найден в подвале. Следователей отстранили от ведения уголовного дела. Стало известно, что оперативные работники заставляли моих подзащитных клеветать на самих себя. Сергей был арестован. Прокурора района уволили из органов, и уголовное дело наконец-то стало расследоваться в рамках закона, объективно.

Володя и Павел по указанным обстоятельствам вновь передопрашивались в моем присутствии. Вскоре ребят освободили, а Сергей был предан суду и осужден на 15 лет.

Н. Ф.Бабанцев. 1950-е гг.

Володя, выйдя из тюрьмы, получил документы и с родителями уехал в Мурманск. Все эти события развивались два года.

Что касается благодарности родителей, отмечу, что мурманскую рыбу я получал более трех лет.

Бесспорно, морально я был счастлив, ведь благодаря своим знаниям освободил от мучений хороших парней, ни в чем не виноватых, клюнувших на

сомнительную выгоду ради пьянки; оправданием можно считать только их молодой возраст.

Одним из первых дел, которое я вел в прокуратуре Кировского района г. Ленинграда - это дело Михайлова. Следствием было установлено, что он зверски издевался над своей женой, а правоохранительные органы на ее заявления не реагировали.

Из материалов следствия мне стало известно, что Михайлов в период Великой Отечественной войны сдался на финской границе немцам и чтобы доказать свою ненависть к Советской власти, он доставил неприятелю тяжело раненного политрука.

При доставке на судебное заседания, которое вела судья Екатерина Михайловна Балашева (редкий и талантливый юрист), подсудимый сопротивлялся и ударил ногой одного из милиционеров.

Мое требование о лишении свободы подсудимого на 5 лет Народный суд поддержал.

Позднее стало известно, что после вынесения приговора в этом же здании застрелился начальник КГБ Кировского района. Это странное совпадение стало причиной многочисленных вызовов меня и судьи Балашевой в следственные органы Государственной безопасности.

Позднее мне стало известно, что через год Михайлов был досрочно освобожден и по указанию Председателя Правительства СССР А. Н. Косыгина, ему была предоставлена квартира.

В таких случаях вспоминается известная поговорка «Закон, как дышло...».

Не хочу, чтобы у читателя сложилось впечатление, что меня окружали одни уголовники и проходимцы. Было много и хороших людей в моей жизни.

Особенно хочется отметить генерала Реваза Викторовича Кипиани, начальника Следственного управления прокуратуры Грузии. С этим замечательным следователем мне довелось встречаться в Тбилиси, когда он возглавлял Следственное управление и непосредственно проводил следственные действия по большой группе взяточников из числа руководителей республики и их жен.

Вот тогда я узнал, что жены правительственных чиновников республики, располагая большими связями, занимались взяточничеством, устраивая абитуриентов в институты, причем, весьма заблаговременно. Родители вручали денежные суммы и драгоценности уже при поступлении детей в первый класс престижной школы. Грузинские взяточники обеспечивали дипломами о высшем образовании своих, зачастую бездарных, отпрысков.

Я никогда как в прошлом, так и в настоящее время не встречал такой высокой культуры ведения уголовных дел, как это имело место в Тбилиси.

Помню, как сам проводил сложные и ответственные уголовные дела в Красноярске и Целинограде, когда приходилось привлекать к уголовной ответственности и мэра города Энодина, и секретаря обкома партии Казахстана Михайлушкина, помню, как сложно было доводить дело до суда.

Ознакомившись с многотомными делами в Тбилиси (я уже работал не прокурором, а адвокатом), я поинтересовался у Реваза Викторовича, не опасается ли он расправы, но только потом понял, что подобным не нужно было интересоваться, так как род Кипиани — это династия великих футболистов, разведчиков, музыкантов, дирижеров, ученых. В крови Кипиани не было места трусости.

В одном из уголовных дел Реваз Викторович показывал мне фотографии огромных клумб с цветами в дачной местности г. Тулы, там же были выстроены особняки и коттеджи, оформленные на жен и родственников обвиняемых. Я видел и изъятые из клумб драгоценности, целые золотые слитки.

Реваз Викторович рассказывал, с каким удивлением он встретил второго секретаря ЦК партии Грузии, когда последний выходил на перрон из поезда на дачной станции близ Тулы. Не каждому актеру удалось бы сыграть подобный трагический образ! Вскоре этот партийный лидер, давая показания, сам разрывал новые клумбы, способствуя следствию.

Кипиани внес существенный вклад в работу Центра Академии, делясь в лекциях своим богатым опытом следственных знаний и результатов по уголовным делам, прошедшим через судебные инстанции.

В Тбилиси я беседовал с Анзорием Михайловичем Барабадзе, Главным прокурором Грузии, о необходимости перевода Реваза Викторовича в его заместители, объясняя, что такие, как Кипиани, чрезвычайно редко рождаются, но результат достигнут не был.

А. М. Барабадзе, О. Д. Андреева, Н. Ф.

Я имел все основания настаивать на своей просьбе, потому что Анзория знал с 17-летнего возраста, формировал его как личность. Его отца в 1940 году убили бандиты; мать, Елена Михайловна, была инвалидом первой группы. Парень мечтал стать юристом, вот мы с Ольгой Давыдовной и забрали его в Ленинград из Тбилиси, устроили на учебу в Университет, откуда

его со второго курса отчислили, не разобравшись в его невиновности, когда на него напали хулиганы.

Искренняя дружба с Анзорием Барабадзе - одно из светлых воспоминаний моей работы в Красноярске.

В последние годы своей жизни он занимал пост прокурора Грузии.

Я занимал должность прокурора в Красноярской краевой прокуратуре, а он работал оперативником МВД в Красноярске. Вечерами мы занимались тренировочной работой по велосипедному спорту. Во время проведения первенства России в Красноярске, мы на мотоцикле с коляской под проливным дождем шесть дней обеспечивали соревнование. Соревнование включало в себя гонки по сложно пересеченной местности, а также командные гонки на 100 км. для мужчин и на 50 км. для женщин.

В результате красноярцы одержали победу по всем видам гонок. После окончания соревнования мы с Анзорием, промокнувшие и уставшие, решили помыть мотоцикл. Мотоцикл был редкий и куплен по специальному заданию ДОСААФ СССР. Помывка закончилась неудачей. Мотоцикл утонул, а я оказался в водах Енисея. Достать мотоцикл удалось с большим трудом. Все наши попытки «оживить» железного коня не увенчались успехом. На помощь пришла местная ребятня. Они подсказали нам, что в такой технике разбирается местный житель дядя Сережа и по нашей просьбе сбегали за ним. Дядя Сережа оказался ветераном ВОВ, а на правой руке у него всего было два пальца. Сергей действительно оказался виртуозом своего дела. После полной переборки двигателя мотоцикл завелся с первой попытки. От предложенных денег Сергей отказался, но от водочки с закуской не отказался.

Приняли решение ехать в ресторан «Север» при Норильском комбинате. По тем временам это было самое изысканное место отдыха.

Время было позднее, и нас отказались обслуживать, но после недолгих препирательств, стол нам накрыли и только после трех часов ночи я доставил мотоциклетного мастера домой.

Анзорий, как всегда держался молодцом, и ни при каких обстоятельствах не принимал спиртного. Этого принципа он придерживался и в последующие годы, когда стал высокопоставленным сотрудником прокуратуры Грузии.

Однажды, работая прокурором в городе Кутаиси, Анзорий Михайлович, выйдя из помещения, увидел, как за углом идет дележ денег. Анзорий приказал задержать граждан и выяснить, кто они такие и в чем дело. Личности были установлены. Один из них оказался первым секретарем горкома партии Кутаиси Патиашвили. Другой его соратник Шишиашвили. Они действительно делили полученные взятки. Анзорий Михайлович, будучи прокурором Кутаиси, распорядился о задержании подозреваемых.

В последующие годы обстановка резко изменилась. Анзорий Михайлович, будучи назначенным прокурором Грузии наводил порядок в республике, а Патиашвили, по рекомендации Горбачева был поставлен Шеварнадзе первым секретарем ЦК Грузии. Как стало известно Патиашвили не забыл кратковременного задержания и пригласил на беседу Барабадзе, в которой предупредил, что либо Барабадзе должен уйти из жизни, или сотрудники КГБ затопчут его в камере. Анзорий Михайлович уехал на дачу и застрелился. Конечно, похороны были организованы на высоком правительственном уровне, как всегда в подобных случаях провожают «..Со слезами на глазах». Таким образом ушел из жизни наш очень близкий друг, а

подлецы, типа Патиашвили, Шеварнадзе, Горбачева, Саакашвили продолжают жить и творить свои грязные дела.

Дети его, Мишико и Ленико, воспитывались в строгом режиме.

В последующие годы Мишико пошел по стопам отца и был знаком с моим воспитанником Давидом Вахтанговичем Куталия, который ныне является заместителем начальника управления по надзору за следствием в правоохранительных органах Генеральной прокуратуры РФ. Совсем недавно Давиду присвоили очередное звание.

Возвращаясь к своим адвокатским будням, вспоминаю историю, связанную с Владимиром Николаевичем Снятковым.

В. Н. Снятков читал лекции по уголовному праву у меня на кафедре. Он хорошо знал и другие дисциплины — сказывался опыт работы в прокуратуре Ленинградской области, а также многолетней деятельности в качестве заместителя начальника Управления административных органов Мэрии Санкт-Петербурга.

В 1997 году Владимир Николаевич обратился ко мне с просьбой, чтобы его дочь Ладу приняли на второй курс юридического факультета, так как она окончила юридический техникум. Взяв документы, я разъяснил, что Лада будет учиться только на первом курсе, потому что ее образование приравнивается к средней школе. Но учеба так и не состоялась из-за досадной потери документов.

Владимир Николаевич был избран депутатом в Законодательное собрание нашего города и совмещал эту работу с педагогической деятельностью.

Вскоре В. Н. Снятков сказал мне, что вокруг него сгущаются тучи, а именно, прокуратура города возбудила против него уголовное дело по статье 290 за получение взятки, но он невиновен. Уголовное дело было инспирировано врагами и политическими оппонентами. Из рассказанного становилось ясно, что в деле фигурировал подарок, который В. Н. Снятков был готов вернуть. Но, как я понял, прокуратура, имея указание свыше — а это выглядело именно так — не соглашалась с доводами депутата Сняткова, не принимала его объяснения к оправданию.

Я взял на себя обязательства защищать Владимира Николаевича от искусственно надуманного, подлого обвинения и тенденциозного отношения прокурора Санкт-Петербурга, государственного советника юстиции 2-го класса Ивана Ивановича Сыдорука.

В. Н. Снятков

Войдя в кабинет прокурора города, я не почувствовал прежнего уважения к его хозяину. Иван Иванович высказал возмущение тем, что я пришел не в приемные часы. На что я заметил: «А почему Вы раньше выскакивали ко мне навстречу, когда работали заместителем прокурора города, моего друга Владимира Владимировича Еременко? Обнимали меня и даже целовали? Вот я и посчитал, что к ласковому другу я по-прежнему имею право приходить, когда угодно». Далее я добавил, что пришел в качестве адвоката депутата Сняtkова, которого необоснованно обвиняют в тяжком преступлении. Сыдорук назвал мне фамилию следователя и номер его кабинета. Придя к следователю, я предъявил адвокатское удостоверение и попросил, чтобы мне показали уголовное дело, возбужденное в отношении Сняtkова, на что следователь ответил, что дело мне не покажет, потому что и на меня тоже написано заявление.

У меня не было желания читать что-либо плохое против себя, и я ответил, что забыл очки. Следователь достал лист бумаги и зачитал: «Лада Владимировна Сняtkова обвиняет Вас в том, что Вы приняли работать к себе на кафедру уголовного и гражданского права ее отца на должность профессора, зная, что у него нет ни ученой степени, ни научных работ, ни даже юридических знаний».

Выслушав следователя, который просил меня дать ему письменное объяснение, я ответил, что считаю необходимым подвергнуть судебно-психиатрической экспертизе на предмет вменяемости дочь Сняtkова Ладy, мать Ладy, а также самого следователя. На что тот удивленно спросил: «А меня-то за что?» Я ответил: «Вас следует подвергнуть освидетельствованию психиатра в обязательном порядке, потому что поверили Ладe, современному Павлику Морозову». Другого имени для Ладy у меня не нашлось.

На этом закончилась эта встреча по делу обвинения Сняtkова. Заставляет задуматься не только факт обращения Ладy в прокуратуру с заявлением на отца, в основе которого была явная ложь. Еще больше удручает, что на поминки Владимира в ресторане гостиницы «Москва» пришли жрать и пить водку, иначе не скажешь, те люди, которые состряпали против прекрасного человека уголовное дело.

Перед моей поездкой в Москву, которая была связана с вопросами организации конференции следственных работников, мне позвонил профессор Иван Иванович Макаров и рассказал историю своей соседки-блокадницы, которая живет в его доме.

Суть истории такова. Совершенно незнакомые люди предоставили Соловьевой Н. П. документы о том, что они приобрели ее 3-х комнатную квартиру и требовали в короткий срок освободить жилплощадь. Взамен Соловьевой Н.П. предлагалось комната в коммунальной квартире. Причем, все обращения в судебные органы по творящемуся преступлению остались без внимания. В это же время были избиты ее муж и сын. В результате полученных

увечий они стали инвалидами. Состояние Соловьевой было таково, что она решила наложить на себя руки.

Зная, что мне предстоит поездка в Генеральную прокуратуру, Иван Иванович попросил меня вмешаться с судьбу несчастной женщины. Естественно, что я не мог отказать в такой просьбе.

По приезду в Москву я решил обратиться по данному делу к Генеральному прокурору Алексею Ивановичу Казаннику. Добравшись до приемной, вручил помощнику визитку и попросил принять меня на две минуты для изложения дела.

Через несколько минут помощник вернулся и сообщил мне, что Алексей Иванович крайне занят и принять меня не может.

Расстроенный отказом, я попросил помощника передать Алексею Ивановичу, что в свое время, когда стоял вопрос о восстановлении справедливости, мне пришлось бросить все свои следственные дела в Красноярской краевой прокуратуре и вылететь в Омск, чтобы вмешаться в вопрос арестованного моего друга, 6-ти кратного чемпиона СССР по велосипедному спорту - Алексея Живодерова, который подозревался в совершении преступления.

Через несколько минут меня попросили пройти в кабинет Генерального прокурора. Не стоит передавать детали нашей беседы. Стоит отметить важное. Высочайший профессионализм и ответственность произвели на меня неизгладимое впечатление.

Завершилась вся история следующими событиями. Районный прокурор через месяц скоростно скончался, судью лишили полномочий и уволили, а адвоката выгнали за мошенничество из адвокатской коллегии. Вот таким у меня в памяти остался Генеральный прокурор Алексей Казанник.

Я никому никогда не отказывал в помощи, смело могу сказать, что мои советы помогли многим людям. Однажды, придя с работы, я увидел плачущую Галину Александровну, нашего друга, которая страдала по причине задержания милицией ее сына Виктора — ювелира, обвиняемого в том, что он изготовил по заказу клиента цепочку из серебряных ложечек, не имея лицензии.

В милиции завели уголовное дело, а клиент испуганно потребовал отдать выполненное. Все обстоятельства ареста его не интересовали, он требовал изделие, хотя и опасался вызова к следователям.

У Виктора я спросил, какова была длина цепочки. Никто, кроме него и клиента, не знал, что цепь изготовлена из ложек; разговор шел лишь о выполненном ремонте. Спустя сутки я согласился помочь Виктору и поехал с ним в милицию. Там я потребовал возместить мои убытки, заявив, что я не могу гулять с собакой без этой цепочки, так как собака к ней привыкла. Следователь обратилась ко мне с вопросом: «А что еще можно выдумать про цепь, кроме того, что она нужна для прогулки с собакой?» Я сказал: «А для чего выдумывать, если это правда». Следователь так и поступила, доложив, что

цепочка имеет конкретное назначение — прогулку профессора Н. Ф. Бабанцева с собакой. Уголовное дело прекратили, а когда я спускался по лестнице Выборгского районного отдела милиции, то слышал разговор двух подполковников, которые возмущались тем, как живут ученые: «Разве мы можем выгуливать собак на серебряных цепочках? А им все дозволено. С жиру бесятся». Так Виктор вышел сухим из этого уголовного дела, разобравшись с нетерпеливым заказчиком.

Приступить к защите Олега Львовича Орлова мне довелось не сразу после его задержания, а лишь после того, как у него возникла острая конфликтная ситуация со своими адвокатами. Орлов постоянно проживал в Швеции и лишь изредка навещался в Россию. Приехав однажды в Санкт-Петербург, он привез абсолютно новый автомобиль марки «Вольво» (разумеется, даже нерастаможенный). Его друг Юрий Науменко, работая барменом, имел необходимые связи и оформил автомобиль окольными путями, минуя таможенные органы и сотрудников ГАИ. Далее автомобиль был продан директору мебельной фабрики. Вскоре события приобрели крайне нежелательный для Орлова оборот. Он был задержан милицией по обвинению в контрабанде металлов из Норильского комбината в Скандинавские страны, а также в связи с фиктивным оформлением автомобиля «Вольво» (то есть за взятки). Имея большие деньги и желая, чтобы его чаще выводили из камеры, нанял пятерых адвокатов. Через два месяца после указанных событий я встретился с Орловым в качестве шестого адвоката. Я сразу же предложил разогнать прихлебателей и работать только со мной, разумеется, сохранив высокие гонорары. Поначалу он пожелал организовать мою встречу с другими коллегами, однако я заявил, что никого не желаю видеть, а тем более знакомиться. Орлов пожаловался, что уже два месяца не может решить вопрос о переводе в другую камеру. Дескать, адвокаты обещают и ничего не делают. Я предложил осуществить перевод на следующий же день, но при этом он должен был отказаться от услуг коллег-конкурентов. Произошло так, как я планировал. Работая с Орловым, я узнал, что Науменко жестоко избивали во время допроса. Особенно отличался садизмом подполковник милиции — специалист по отбиванию почек ударом ноги. У Юры Науменко в дальнейшем зафиксировали травматическое повреждение почек, и он долго лечился.

Процесс принял затяжной характер. Тем более, я принял все меры для задержания и ареста садиста-подполковника. Жалобы шли во все инстанции. Олега Львовича Орлова удалось отстоять лишь через полгода. Он был освобожден из-под стражи и улетел в Швецию.

Буквально через месяц меня пригласили в ФСБ и попросили, чтобы я по надуманной причине пригласил Орлова в Санкт-Петербург. «Фээсбэшники» сообщили, что у них имеются сведения о совместных преступных действиях Орлова и министра внутренних дел Ерина. Якобы оба занимались

контрабандой металлов. Я заявил, что готов выполнить заказ, но лишь после того, как будет арестован министр МВД. На этом разговор и закончился.

Что касается Науменко, хочу пояснить следующее. Однажды, когда я находился в следственном изоляторе, мой подзащитный Владимир Кириллович Путырский попросил поговорить с бывшим подполковником милиции Борисом Ивановичем. Это и был тот подполковник-садист, которого я засадил за решетку. Куда только девались его офицерская выправка и спесь? Он плакал и умолял меня уговорить Науменко изменить свои показания за двадцать тысяч долларов.

Я с негодованием пытался выяснить, зачем нужно было столь профессионально отбивать почки и делать инвалидами здоровых русских людей. Оказалось, что он не видел в этом ничего противозаконного! Более того, подполковник рассказал мне, что некоторых задержанных (с кем переборщили во время пыток) выбрасывали ночью на проезжую часть, влив в несчастных 1,5-2 литра водки.

Я даже не стал передавать эту просьбу Науменко, так как знал, что стоит подполковнику выйти на волю, как он тут же убьет Науменко и заберет свои деньги. Я сказал этому душегубу: «Когда отсидите свой срок в лагере, может быть, поумнеете и проникнетесь сочувствием к чужим бедам. Молитесь, чтобы Бог простил ваши грехи».

В 2000 году Орлов и Науменко пригласили меня в ресторан гостиницы «Европейская». Был накрыт роскошный стол, они рассказывали мне о своей жизни, о планах на будущее, шутили и смеялись. А пили мы за справедливость, порядочность и человеческое достоинство.

В те же годы я осуществлял защиту по обвинению в совершении тяжких преступлений Владимира Путырского и его группы из шести человек. Следует отметить, что уголовное дело до суда не дошло, т.к. было разрушено за недоказанностью вины. Также по обвинению Вячеслава Кирпича, который имел за плечами значительную биографию, а именно, из 60 лет жизни 46 отсидел в лагерях. По уголовному делу, когда я осуществлял защиту, он тоже обвинялся в тяжком преступлении, но дело было прекращено за недостаточность собранных доказательств. Он был освобожден из зала суда.

Дважды герой оказался мошенником

В начале 2002 г. на одну из кафедр нашего факультета был принят в качестве профессора некто Гурлев Владимир Валентинович. При оформлении на работу он в отделе кадров предоставил документы, удостоверяющие, что он является Героем Социалистического труда и Героем России. Из-за болезни моей супруги я не смог познакомиться с ним в день его оформления. Через несколько дней мы встретились с ним на кафедре и во время нашей беседы он показал аттестат профессора и диплом доктора юридических наук. На встрече

со мной он пришел в парадной форме полковника КГБ, на котором красовались многочисленные государственные награды, среди которых были ордена за участие в Афганской компании. Мое отношение к приходу специалистов такого ранга всегда было положительным. За всю историю университета у нас появлялся только один Герой – дважды Герой Советского Союза – маршал Новиков.

Не скрою, первое знакомство с моим собеседником произвело на меня хорошее впечатление. Он рассказал мне о личном знакомстве с В. В. Путиным, С. М. Мироновым, членами Правительства России и возможном назначении его в состав Правительства.

Гурлев поставил меня в известность, что он крайне занят и может читать лекции только по субботам. Учитывая его заслуги, я не стал возражать и согласился. Первым результатом его работы стало то, что на экзамене он поставил 49 двоек. Подобного наступления на студенчество и разгрома по знаниям за всю историю факультета не было.

Ко мне, как к декану, хлынула волна жалоб, возмущений и слез. Положение было настолько серьезным, что мне пришлось проводить переэкзаменовку «жертв» Гурлева.

Естественно, вся эта история стала известна в ректорате. Надо отдать должное ректору университета Г. А. Крыжановскому. Он не стал вмешиваться в конфликт и на жалобы ретивого Героя ответил, что декан факультета имеет полное право проводить переэкзаменовку и моя позиция не является нарушением учебного процесса и правил этики.

В одной из бесед, Гурлев рассказал мне о своей адвокатской деятельности и откровенно бравировал тем, что заходит «без стука» не только в прокуратуру, но и губернаторский кабинет. О его работе в адвокатуре я уже знал. Мне звонили старые друзья из СЗТУ, где я работал около 10 лет. Они рассказали мне, что наш орденосец вместе с работниками Калининской прокуратуры и сыном, который работал в транспортной прокуратуре, стали инициаторами наложения ареста на финансовую деятельность СЗТУ.

Учитывая добрые отношения с СЗТУ, мне пришлось связываться с прокурором города и добиться отмены ареста. Вся эта история о деяниях нашего Героя оставила у меня на душе неприятный осадок.

Однажды Гурлев обратился ко мне с просьбой о составлении методического пособия на основе своей диссертации. Я не стал возражать, но предупредил, что рецензированием работы будет заниматься мой заместитель – профессор М. М. Волков. Через некоторое время Михаил Михайлович Волков представил письменную рецензию на работу Гурлева, в которой указывалось, что работа не представляет ценности и не может быть рекомендована в качестве учебного пособия. Назревал новый скандал и мне предстояла нелегкая роль арбитра. Вызвав к себе Гурлева, я сообщил ему, что сомневаюсь в его профессиональных способностях и у меня появились сомнения в подлинности его государственных наград. К моему удивлению, наш орденосец побледнел и высказал пожелание уволиться из университета. Поставив в известность об

этом ректора, я попросил его сделать официальный запрос в Администрацию Президента о подлинности наград. Видимо, побоявшись возможных неприятностей, ректор и Дмитрий Семейкин, курировавший наш университет со стороны ФСБ, мне в этом отказали. Мне было высказано замечание, что не очень прилично известному ученому копаться в характеристиках Героя России. Пришлось запрос делать от себя лично.

Я в полной мере осознавал, что поставлен вопрос не только о моей репутации, но и возможном уходе с должности декана. К моему счастью, интуиция не подвела. Письмо из Администрации гласило: – «В. В. Гурлев в списках Героев России не числится». В ходе дальнейшего расследования было установлено, что аттестаты доктора наук и профессора для нашего «героя» изготовлены и куплены в Бельгии. Такова история разоблаченного мною мошенника Гурлева.

Был случай, когда ко мне в юридическую консультацию на Московском проспекте обратилась молодая женщина. Ирина Васильевна (так звали посетительницу) работала в театре балериной. Ее друг, гаишник из правительственного эскорта, Владимир Иванович Ванюшкин был недавно арестован прокуратурой города Тольятти. Меня ей порекомендовал сварщик из Пятого таксомоторного парка Федор Иванович, который неоднократно ремонтировал ее машину. Ирина Николаевна сообщила, что по уголовному делу Владимир Иванович проходит не один — привлечены еще пять человек, и все они находятся в Ленинграде, имея подписку о невыезде. Ирина Николаевна сообщила мне, что ее интересы уже представляет один адвокат, но она не удовлетворена его работой, к тому же и Федор Иванович убедил ее, что только Бабанцев может выиграть дело. Я дал свое согласие на защиту гаишника. На следующий день мы уже летели в Куйбышев, чтобы потом отправиться в Тольятти. В самолете Ирину постоянно приглашали для бесед другие адвокаты, но меня не интересовало, о чем они говорили. Из аэропорта мы отправились в суд, где мне разрешили пообщаться с подзащитным. Изучая материалы дела, я выяснил, что обыск на квартире Владимира Ивановича Ванюшкина был совершен незаконно, без санкции прокурора.

Начав процесс, судья предупредил всех участников, что во второй половине дня будет рассматривать сложное уголовное дело, поэтому просил не затягивать время и выступать предельно лаконично, строго по существу.

Заслушали уголовное дело, и перешли к прениям сторон. Прокурор города попытался возложить всю вину на моего подзащитного Ванюшкина, который якобы создал преступную группу для хищения автомашин «Жигули» с завода. Шесть автомобилей похитители должны были перегнать в Волгоград, где гаишник обещал оформить все необходимые документы.

Было предоставлено слово адвокату Астоновицкому, который зачем-то стал цитировать Льва Толстого. Судья прервал его и спросил: «А что, Толстой тоже находится на скамье подсудимых?» Астоновицкий смутился, стал

пререкаться, утратил нить разговора. В результате его прервали и предоставили слово адвокату Зильберману. Однако Зильберман повел себя не лучшим образом: он стал защищать коллегу Астоновицкого. Судья возмутился еще больше и поочередно стал предоставлять слово другим адвокатам: Хурину, Хаскину, Хейфицу, Зелькину. Все они в один голос доказывали правоту Астоновицкого и Зильбермана. Тогда рассерженный судья обратился ко мне: «Что, Бабанцев, тоже желаете процитировать Льва Николаевича Толстого?» На это я ответил: «Вы, товарищ председатель, не правы, когда сказали, что потеряно восемь минут на пустую говорильню (выступление Астоновицкого продолжалось восемь минут), потеряно целых двадцать восемь минут, и, если Вы позволите, я начну свою речь».

Я, в частности, заявил: «Речь прокурора Иванова не выдерживает никакой критики. Где учился этот деятель и как он с такими знаниями оказался прокурором города Тольятти, непонятно. Кто дал право лишать человека свободы и арестовывать без санкции прокурора, как это сделано с моим подзащитным Ванюшкиным?! Обыск тоже был произведен с грубейшими нарушениями закона. Это что, ведение следствия по-тольяттински?» Таким образом, я пустил прокурора вразнос. После меня стали повторно выступать адвокаты, но их речи были лишены красноречия.

Когда же прозвучал приговор суда, все ахнули: мой подзащитный был освобожден из-под стражи, и ему было определено наказание в виде пяти лет условно. Все остальные фигуранты уголовного дела были взяты под стражу, суд определил им различные сроки наказания.

Ирина Николаевна была счастлива. Она целовала меня и предлагала деньги в знак благодарности. Я остановил ее и спросил, о чем она беседовала с адвокатами. Ирина заплакала: «Они (то есть Астоновицкий, Зильберман и компания) требовали отказаться от Ваших услуг и вызвать телеграммой первоначального адвоката — Гольберга». В ответ я предложил Ирине наказать самого активного распространителя порочащих меня сведений. Ирина тут же подбежала к адвокату Астоновицкому и ударила его по лицу, тот упал. Вскочив на ноги, адвокат стал выкрикивать в мой адрес обрывки невнятных фраз. Я попросил его успокоиться, иначе мне придется дать ему капли. Он тут же понял, что я подразумевал под словом «капли», и ушел. Так закончилось рассмотрение этого уголовного дела.

Получив честно отработанный гонорар, я отправился в ресторан «Жигули», где устроил себе праздничный ужин, попросив официанта никого к себе не подсаживать. Вскоре в ресторан пришли понурые адвокаты. Но мест не было. Они робко попросили разрешения присесть рядом. В силу своей природной вежливости я не смог им отказать. Увидев их скудный заказ, я предложил им свою закуску.

Через два часа мне понадобилось зайти к адвокату Астоновицкому, однако встреча не состоялась. Будучи в нетрезвом состоянии, адвокат курил в номере гостиницы, затем заснул, и спустя какое-то время возник пожар. С ожогами адвоката доставили в больницу.

В Тольятти меня еще не раз приглашали для ведения сложных уголовных дел.

Хочу познакомить читателей еще с несколькими интересными случаями из моей адвокатской практики.

Ко мне обратился инвалид Великой Отечественной войны Иван Сергеевич Сидоров с просьбой защитить его сына, который был арестован за нападение на милиционера в Ленинском районе. Я уговорил заведующего консультацией Аркадия Косова пойти на оформление ордера на ведение этого уголовного дела, хотя клиент не мог в полной мере оплатить услуги адвоката. Сложность заключалась и в том, что с Сидоровым уже работал юрист, который внушал, что тюрьмы не избежать, и следует готовиться к новому сроку. Мой хороший знакомый, следователь Олег Милош, узнав о моем участии в деле, всячески уговаривал меня отказаться от этой работы. К его просьбам присоединился и прокурор района (также весьма уважаемый мной человек). Но, как говорится, дружба — дружбой, а служба — службой. Я встал на защиту сына инвалида. Ознакомившись с материалами уголовного дела, установил, что к признательным показаниям обвиняемого Сидорова усиленно склоняли сотрудники милиции, обещая небольшой срок тюремного заключения. Но его вводили в заблуждение, так как статья предусматривала весьма строгое наказание — до десяти лет лишения свободы.

В Ленинском суде дело рассматривала судья Э. Б. Непляха, интеллигентный человек, профессионал, чрезвычайно порядочный юрист. Рассмотрение заняло несколько дней. В процессе допроса потерпевшего милиционера мне удалось доказать, что он сам действовал с нарушением должностных инструкций, и нападения фактически не было: Сидоров украл в тире ружье и с ним бежал по проспекту, а милиционер выскочил ему навстречу, схватил пневматическое оружие и мушкой прицела содрал на ладони поверхность кожи.

Обвинение опровергнуть было нелегко. Однако была проведена баллистическая экспертиза с целью определения траектории полета пули и доказательства факта ее попадания в ладонь. Выводы экспертов оказались крайне важными для моего клиента, которого освободили из-под стражи в здании суда. Старший следователь Олег Милош за незаконный арест был уволен из органов, а прокурор района отделался строгим выговором. От счастья отец подсудимого упал с костылей и потерял сознание.

В 2007 году было совершено ночное убийство молодого компьютерщика, офицера. В убийстве подозревалась группа лиц, но горе-специалист следователь арестовал лишь одного человека, который, как потом выяснилось, нанес жертве множество ножевых ранений. Еще трое подельников, которые избивали жертву, остались на свободе. Следователь надеялся, что они помогут в изобличении убийцы.

Разве можно считать данные действия квалифицированными?! В результате возникла сложность дальнейшего расследования в доказывании вины убийцы. По данному уголовному делу мне удалось добиться желаемого приговора: преступники понесли заслуженное наказание.

Не могу понять, каким образом работники-недоучки допускаются к прокурорско-следственной деятельности и кто позволяет им ломать человеческие судьбы.

Помню и такой эпизод, когда ко мне обратились знакомые с просьбой о помощи. В два часа ночи работники прокуратуры г. Санкт-Петербурга посетили квартиру 62-летней Елизаветы Викторовны Савиной, которой были нанесены телесные повреждения. От нее требовали признательных показаний. Женщина не выдержала издевательств и согласилась прийти утром в прокуратуру и подтвердить все, что у нее фактически «вырвали» незаконными методами. Савину припугнули, что если она откажется от показаний, то ее арестуют и отправят в тюрьму. Мы встретились с Елизаветой Викторовной, и я как мог, успокоил несчастную. Ее обвиняли в том, что выдала сыну своей подруги фиктивную справку о том, что он якобы является студентом 2-го курса ЛИТМО. На основании этого документа парень был освобожден от призыва в армию. Во время обыска в квартире обнаружили 900 долларов, которые тут же переписали, объявив взяткой.

В прокуратуре нам пришлось общаться с молоденьким сотрудником приятной внешности, но наглым и абсолютно некомпетентным (события происходили в конце 90-х, когда прокурором города был Иван Иванович Сыдорук). Этот чинуша попытался разговаривать на повышенных тонах, но я осадил его. Даже в блестящем костюме он имел жалкий вид. После моего аргументированного обращения в вышестоящие инстанции парень стал вилять и умолять о прощении. Но на меня эти дешевые эмоции не действовали. Дело до суда не дошло. Молодой чинуша, как пробка вылетел с работы (то есть был уволен).

Не могу обойти вниманием еще одно интересное уголовное дело, которое слушалось в Кировском районном народном суде города Ленинграда. Моряк дальнего плавания, некто Иванов, был арестован, ему предъявили обвинение по ст. 119 УК РСФСР «Половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости», и по ст. 120 УК РСФСР «Развратные действия». Деньги за своего товарища-моряка вносил в коллегиию шеф-повар «Астории» Юрий Михайлович. К сожалению, первоначально дело в Кировском суде было проиграно, так как жена подсудимого безосновательно обвинила меня в преступных связях с судьей Котелевской (с которой я якобы был связан, еще будучи прокурором). А данное дело рассматривала именно Елена Котелевская. Дело было не из легких, потому что жена подсудимого уговорила дочерей подать на отца заявление, что

19-летнюю Елену он якобы изнасиловал, а 15-летнюю Татьяну регулярно развращал. В результате подзащитному определили пять лет лишения свободы с отбытием в лагере усиленного режима.

Рассматривая данное уголовное дело в городском суде, В. Полудняков (следует отметить, чрезвычайно эрудированный и порядочный юрист) пришел к несколько иным выводам, чем его коллеги. Путем допроса дочерей и жены подсудимого была доказана невиновность Иванова. Всем участникам процесса стало очевидно: жена пытается избавиться от мужа, чтобы сойтись с другим мужчиной. Дело развалилось. Моего подзащитного освободили из-под стражи, определив наказание, не связанное с лишением свободы. Иванову вменили только развратные действия (суд установил, что все семейство как-то раз однократно просматривало порнографический фильм). Мой авторитет в гостинице «Астория» и так был непререкаем, а тут еще больше повысился благодаря рекомендациям шеф-повара. В результате я приходил в ресторан и по цене рабочей столовой, фактически по себестоимости, приобретал деликатесные продукты, а они при социализме всегда были в дефиците.

Придя в «Асторию», я увидел, что ресторан закрыт по техническим причинам, но меня пропустили на кухню. Проходя через зал, я увидел, что там проходит банкет: отмечали юбилей адвоката Владимира Дорошкевича. Увидев меня, большинство присутствующих искренне стали требовать, чтобы я присоединился к их веселью. Помню счастливые лица Людмилы Волк, Татьяны Комиссаржевской, судей Ленинского района. Юбиляр молчал — занял выжидательную позицию. Я подошел к столу, за которым сидели представители судейского корпуса и прокуратуры Ленинграда, известные адвокаты, поздоровался со всеми, поздравил юбиляра (хотя у нас с Дорошкевичем были крайне неприязненные отношения из-за его подлости, жадности и непорядочности). Подсев к столу, чтобы не быть нахлебником, я попросил официанта принести по несколько бутылок самого лучшего коньяка, вина, шампанского и, конечно же, фирменных закусок. Зная мое красноречие, окружающие попросили сказать тост в честь юбиляра. Я встал и начал было говорить, но в это время заместитель прокурора Ленинградской области Павел Александрович Павлов (он был изрядно пьян, но при параде, в генеральской форме) бестактно прервал мои поздравления. Он сказал: «Я знаю Бабанцева очень давно, еще с Целины, когда приезжал в составе бригады Генеральной прокуратуры. А два дня назад Бабанцев поднял мне настроение. Никогда так не смеялся, как читая его телеграмму, адресованную Григорию Васильевичу Романову, с просьбой о помощи и защите от неправомερных действий прокуратуры. Николай Федорович подал трехкилометровую телеграмму Романову». Я был обескуражен внезапным оскорблением генерала, поставил бокал и нанес ему в нижнюю челюсть молниеносный короткий полубоковой удар правой с переносом корпуса. Павлов тут же рухнул на пол и уже не открывал свой рот. Дорошкевич истерично вскинул руки, начал метаться по залу и театрально кричать: «Держите хулигана Бабанцева! Он сорвал мой банкет! Он ударил самого Павлова!» Я же никуда не собирался уходить, а

демонстративно стоял на своем месте, скрестив на груди руки. В тот день я ушел из «Астории» без продуктов с испорченным настроением.

Дальше события развивались весьма стремительно. Многочисленные допросы и очные ставки не давали ни вздохнуть, ни расслабиться. Правоохранительные органы подняли на ноги всех родственников моих подзащитных, в юридической консультации была изъята картотека моих клиентов (с адресами и фамилиями). Но все отрицали факт дачи мне взятки. Из Тольятти даже освободили Ефима Абрамовича Каплана, которого привезли в Ленинград и снабдили подслушивающей аппаратурой, встроенной в виолончель. Этот идиот пришел ко мне в юридическую консультацию с огромным футляром от виолончели с провокационными предложениями. Зная, что меня записывают на магнитофон, я напомнил Каплану столько фактов касательно его преступного прошлого, что Ефима Абрамовича можно было упаковать еще лет на десять в места лишения свободы. До сих пор не могу понять: зачем человеку, не играющему на музыкальных инструментах, дали футляр от виолончели? Наверное, от «большого» ума.

В 2008 году, благодаря юридическим знаниям мне удалось прекратить уголовные дела, заведенные на двух людей, находившихся в изоляции в течение года, по обвинению в убийстве. Следователя, занимавшегося этими делами, освободили от занимаемой должности.

Коллеги по адвокатскому цеху высоко оценили мою более чем сорокалетнюю деятельность в качестве защитника и наградили медалью 1-й степени «За заслуги в защите прав и свобод граждан» и медалью имени Ф. Н. Плевако, выдающегося адвоката, судебного оратора, талантливого правоведа. Ф. Плевако неизменно внушал коллегам, особенно молодым, мысль о том, что от адвоката требуется, прежде всего, высокая нравственная чистота.

К сожалению, за годы многие работы в качестве адвоката и прокурора пришлось встретить много известных персон, которые ради карьеры и наживы забывали о чести и достоинстве. На своем пути они искалечили много человеческих судеб. Бороться с такими приходилось по-разному. Чего греха таить, доходило и до рукоприкладства.

В Красноярске я поддерживал обвинение по делу Брюханова, который приходился родственником или сожителем Секретаря Горкома партии Марии Сидоровой. Какую энергию она проявила для спасения его от тюрьмы! Если бы она с таким рвением занималась строительством Коммунизма, светлое будущее было бы построено в короткий срок. Благодаря огромным усилиям удалось отправить Брюханова на 8 лет строго режима, а его подельник Розенберг был приговорен к высшей мере наказания.

Скажу откровенно, таких «побед» было не очень много. Принципиальность всегда наказуема, а надежды на справедливость не больше чем утопия. Часто «покровители» высокого ранга спасали негодяев и преступников от заслуженного наказания. К примеру, мне не удалось привлечь

к уголовной ответственности воров и расхитителей: председателя совхоза Тулупова и Героя Социалистического Труда Рудского. В их дело вмешался сам Генсек.

К сожалению, такая практика существует и сегодня. Просматривая хронику судебных процессов, можно видеть, что чиновники, участвующие в разграблении страны, получают условные сроки без конфискации имущества. Тенденция очень опасная. Справедливость должна торжествовать. Она основа философии русской души и без нее не будет мира на нашей земле.

Ко мне часто обращаются люди с вопросом: «Правда ли, что граждане, не совершившие правонарушений содержаться под стражей длительное время!» К сожалению, приходится отвечать, что такая порочная практика была в прошлом и существует в наше время. Таких примеров много. В действиях отдельных задержанных не содержится ни умысла, ни мотива на совершение преступления. Однако многие месяцы и даже более года они находятся в изоляции.

Приведу несколько примеров из моей адвокатской деятельности.

Дело касается Шевлякова Александра Владимировича. Мы с ним познакомились совершенно случайно. После сдачи в ремонт своего джипа, я голосовал на шоссе. Остановилась машина и водитель согласился довезти меня до дома. Оплату с меня брать отказался и в качестве компенсации я отдал ему свою визитку и добавил, что могу тоже быть полезен.

Через год ко мне в кабинет пришла его сестра Наташа и рассказала, что Александр в тюрьме уже 7 месяцев по обвинению в убийстве. В работе своего адвоката он разочарован и просит меня подключиться к его защите.

Так я принял его защиту после «работы» другого адвоката. Его обвиняли по ст. 105 часть 1 УК РФ (совершение убийства).

Следствие осуществлялось старшим следователем Следственного Комитета прокуратуры страны. Суд Приморского района постоянно продлевал сроки содержания под стражей Шевлякову, мотивирую тяжестью совершенного преступления.

Значительную помощь в опровержении обвинения Шевлякова в тяжком преступлении мне оказывал Кирилл Богданович Аруев, который являлся официальным помощником адвоката и самостоятельно посещал обвиняемого в тюрьме Горелово. Учитывая, что я был после сложнейшей операции, мы с Кириллом составляли ходатайства о необходимости прекращения уголовного дела, освобождения из-под стражи обвиняемого и наказания виновных в необоснованных обвинениях. В результате наших совместных действий, Шевляков был освобожден из-под стражи, уголовное дело было прекращено за отсутствием состава преступления, а старший следователь был уволен из органов.

Приведу еще один пример.

В феврале 2010 г., узнав об успешном завершении уголовного дела с Шевляковым, ко мне обратилась супруга А. Н. Никитина, который являлся

сотрудником уголовного розыска одного из отделений милиции Санкт-Петербурга.

Суть дела такова. В районный отдел милиции обратился г-н Ганев с заявлением о том, что от действий мошенников ему причинен материальный ущерб в размере 316 тыс. рублей. Оставленное заявление в отделении милиции, как оказалось позднее, исчезло и не попало по назначению для проведения следственных действий. Вину в итоге возложили на Никитина, и он находился в изоляторе в ожидании суда более года.

Все это время его защиту осуществляла адвокат Международной коллегии. Она успокаивала его, что через годик или два, после проведения всех следственных мероприятий, ее «пламенная» речь в суде обязательно даст ему долгожданную свободу. Явно, что подзащитного Никитина не очень радовала такая перспектива

Таким образом, я вступил в защиту интересов этого обвиняемого, который обвинялся в преступлении, предусмотренном статьей 286, часть 3, п. (в) т.е. в превышении полномочий.

Дело было достаточно сложным и запутанным. Под следствием находилось более 30 мошенников и несколько десятков бывших сотрудников руководящего состава органов МВД, которые специализировались на обмане пожилых людей. Ознакомившись с материалами дела и имея практический опыт работы в следственных органах, я пришел к выводу, что на основании допущенных ошибок со стороны следователей, необходимо предпринять меры по переквалификации действий совершенного преступления на статью 286 ч. 1, которая предусматривает ответственность за превышение должностных полномочий.

В результате моих ходатайств, которые основывались на доказательной базе, уголовное дело было переквалифицировано с части третьей на часть первую статьи 286-УК РФ, а подсудимого освободили из под стражи на подписку о невыезде. Рассмотрение этого дела состоялось в суде Приморского района 5 июля 2010 г. Суд назначил наказание Никифорову согласно ст. 73 УК РФ в виде одного года условно.

Вновь вмешательство Господа Бога спасла меня от моральной гибели

Кроме указанных уголовных дел, хочу изложить имевший факт попытки задержания меня в Москве без каких-либо оснований на 15 суток.

Во время одной из командировок я остановился в гостинице ВДНХ. Однажды выйдя из номера, я увидел в коридоре несколько человек, которые громко разговаривали у телефона общего пользования. Их словесная перепалка видимо происходила из-за невозможности воспользоваться телефоном. Находясь в возбужденном состоянии, они даже не замечали, что мешают проходу по коридору. Проходя мимо, я сделал им замечание и находившимся

сотрудникам гостиницы с просьбой навести порядок в очередности использования телефона и направился в город по своим делам. На улице меня догнал мужчина и попросил зайти к директору гостиницы. Пришлось вернуться.

В кабинете меня встретил директор и поинтересовался номером моего проживания. Потом попросил сотрудницу принести ему мою учетную карточку постояльца. В таких документах я всегда указывал только то, что являюсь заслуженным тренером. Директор гостиницы, ознакомившись с ней, самодовольно заявил, что на меня будет составлен административный протокол с задержанием на 15 суток, а со званием заслуженного тренера мне придется вскоре расстаться. Вызвав дежурного сотрудника милиции, которым оказался некий Иван в звании капитана, он попросил его немедленно составить протокол о том, что я в нетрезвом состоянии в присутствии свидетелей совершил хулиганский поступок.

Дело приобретало для меня совершенно неожиданный поворот. Улыбающиеся «свидетели», сидевшие в кабинете, могли подтвердить все что угодно. Я попросил директора дать мне возможность связаться по телефону с супругой и предупредить ее о том, чтобы она не разыскивала меня по моргам. Директор согласился и уступил мне свое кресло. В списке дежурных телефонов, который находился под стеклом на столе, я увидел номер телефона дежурного по КГБ. Связавшись с ним, я сообщил ему, что являюсь заместителем прокурора Красноярского края, и меня пытаются арестовать на 15 суток по ложному обвинению и попросил его о помощи.

Самодовольные улыбки исчезли с лиц присутствующих, а их физиономии напомнили мне известное художественное полотно «Не ждали». После некоторого замешательства они наперебой меня спрашивали: «Почему я не сказал им, что являюсь прокурорским сотрудником». Терпению моему наступил предел, и я послал всех «участников спектакля» на!

Приехавший офицер КГБ быстро разобрался в ситуации. Убедившись, что я абсолютно трезв и ознакомившись с моим удостоверением, извинился и отпустил меня.

Вспоминается эпизод моей прокурорской работы в Верховном суде Казахстана.

Выступая в качестве Государственного обвинителя, я требовал приговорить подсудимого Иванова к расстрелу. Во время моего выступления подсудимому удалось перепрыгнуть через ограждение и он, вооруженный финкой, пытался меня убить. Перехватить преступника удалось дежурному автоматчику, который стоял за моей спиной. Этот факт свидетельствует о том, что надлежащего контроля над подсудимыми в тюрьмах и судах практически не существовало.

В 2010 году Совет Федеральной палаты адвокатов РФ наградила меня нагрудным знаком «Почетный адвокат России» за номером 39 за многолетнюю деятельность по защите конституционных прав, свобод и законных интересов граждан.

За указанный период было достигнуто значительное количество вынесенных судами оправдательных приговоров и освобождены из мест заключения незаконно содержащиеся лица.

В результате моей адвокатской деятельности были и исключительные случаи, когда следователи и прокуроры, допустившие грубые нарушения законности были уволены из органов с последующими наказаниями.